

ВТОРАЯ ПОПЫТКА КОЛЧАКА

*В ВИХРЕ
ВРЕМЁН*

Вячеслав КОРОТИН

В вихре времен

Вячеслав Коротин

Вторая попытка Колчака

«Махров»

2019

УДК 94
ББК 63.3(0)

Коротин В. Ю.

Вторая попытка Колчака / В. Ю. Коротин — «Махров»,
2019 — (В вихре времен)

ISBN 978-5-00155-061-7

На рассвете 7 февраля 1920 года члены Иркутского ревкома вывели на лед Ушаковки адмирала Колчака — бывшего исследователя Арктики, бывшего командующего Черноморским флотом, бывшего верховного правителя России... Расстрельная команда получила команду «Пли!» Еще через пару минут тело Колчака сбросили под лед реки... Последней мыслью адмирала перед смертью была: «Ошибкам случилось немало, доведись всё повторить, я бы их не совершил... Господи, если бы я мог вернуться к «началу пути!» И, похоже, что «кто-то» услышал отчаянный призыв — живой и вполне здоровый Колчак вынырнул в ледяных водах Балтики образца 1914 года! Сумеет ли адмирал воспользоваться второй попыткой?

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-00155-061-7

© Коротин В. Ю., 2019
© Махров, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	28
Глава 6	30
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

В вихре времени

Вячеслав Коротин Вторая попытка Колчака

Глава 1 Солёная купель

– Перископ по курсу! – рулевой Тимоха Соловьёв одновременно с криком крутанул штурвал влево, и «Пограничник» повалило в циркуляции.

Ну вот надо же было какой-то подлодке высовывать на свет божий свою оптику именно здесь и сейчас. Но вроде бы обошлось – бурун от перископа уходил из-под таранного удара миноносца, и можно было больше не опасаться столкновения.

– Человек за бортом! – резануло криком с кормы.

– Малый ход! – немедленно отреагировал командир. – Боцман! Кто кувыркнулся?

– Ща узнаю, вашвысокобродь, – немедленно отозвался Сизов и побежал к юту.

В этот же момент прямо с обреза минных рельсов в достаточно ещё прохладные волны Балтийского моря сиганул какой-то матрос.

– Кто за бортом? – боцман не успел даже запыхаться.

– Так «флажок», наш бывший, – немедленно отозвался минёр Свиридов, швыряя в волны спасательный круг. – Как только накренились, так и унесло Александра Васильевича. Вон Колян сейчас его достанет. Если успеет, конечно...

А успевать требовалось. Как можно скорее требовалось. Ибо голова капитана первого ранга Колчака уже скрылась под водой, а до плывущего к нему матроса оставалось ещё метров двадцать.

Николай Фомин и сам не понимал, что заставило его прыгнуть в холодные волны, как только с борта эсминца туда упал офицер. Офицер из штаба командующего Балтийским флотом. Никакого особого пиетета матрос к данному конкретному каперангу не испытывал, на «Пограничник» переведён был недавно, прежнего командира не знал, да и занудничал тот изрядно при осмотре минных аппаратов... Вероятно, просто сработал рефлекс – моряк тонет, и я ближе всех... Кто, если не я?

А плыть в одежде было крайне тяжело, да и вода отнюдь не тёплая. А ведь офицера явно обо что-то приложило головой перед тем, как он за борт улетел, – больно быстро тонет. Николай замахал руками уже в совершенно чемпионском темпе, чтобы поскорее добраться до уходящего в пучину флаг-офицера. Уже почти...

Волны сомкнулись над головой Колчака, и Фомин, сделав ещё несколько мощных гребков, нырнул.

Видимость под водой та ещё – Николай различал только некое тёмное пятно. Но было совершенно понятно, что оно и является целью. Ещё несколько гребков... Хват за что-то там из куртки, и наверх! Лёгкие уже совершенно жестоко обжигало изнутри нехваткой кислорода. Наверх!

А вот подниматься оказалось совсем нелегко – мало того, что собственная одежда намочилась, так и спасаемый офицер весил немало и тянул ко дну. Ушло секунд двадцать, прежде чем удалось глотнуть воздуха. Каперанг, разумеется без сознания, поэтому Фомину пришлось прикладывать дополнительные усилия, чтобы удерживать на поверхности не только себя, но и штабного.

На эсминце решили не тратить время на спуск вельбота, и «Пограничник» самым малым приближался к спасаемым. С борта полетел конец со спасательным кругом, в который Николай вцепился намертво. Матроса с офицером сноровисто подтянули к борту и быстренько втащили обоих на палубу.

Колчака немедленно унесли в каюту, а потом обратили внимание и на матроса:

– Спасибо тебе, Фомин! – потрепал по плечу Николая командир эсминца капитан второго ранга Руднев. – Потеряй мы штабного офицера, командующий всех нас с кашей съел бы. В лазарет его! Переодеть в сухое, чаю горячего. И бутылку рома!

Геройский минёр и сам вполне мог свободно передвигаться, но его бережно повели под руки боцман и ещё один матрос. По пути следования данной троицы оставались лужа за лужей...

– Ох и «повезло» же вам, Владимир Иванович, – подошёл к командиру старший офицер миноносца Дудкин. – В первом же плавании на «Пограничнике» чуть не потеряли штабного офицера. Да ещё какого – Эссен ведь в нём души не чаёт, не случайно к себе взял.

– Да не в этом дело, – отмахнулся Руднев. – Я ведь Александру Васильевичу в любом случае обязан – он мне передал, наверное, лучший эсминец на флоте. За что, кстати, и вам очередной раз хочу сказать спасибо, Василий Федотович, – я очень доволен командой.

– Благодарю за лестный отзыв, – обозначил полупоклон лейтенант. – Вернётесь на мостик или проведаете пострадавшего?

– Я к Александру Васильевичу. Попрошу пока вас покомандовать. О! Лодка всё-таки всплывает, мать её! «Окунь», что ли?

– Вроде она. Владимир Иванович, вы уж задержитесь и сами выскажите Меркушеву всё, что мы оба думаем по поводу его маневрирования.

– Пожалуй, да... Идёмте на мостик.

Над волнами появилась уже не только рубка субмарины, но и корпус. Точно – «Окунь».

– Василий Александрович! – заскрежетал жестяным голосом через рупор Руднев. – Ты что, жить не хочешь? Если бы не мой рулевой – протаранили бы вас. И нам чиниться потом, и вам рыб кормить.

– Флажками отвечают, – хмыкнул стоящий рядом сигнальщик. – Прощения просят: «Извините! Надеемся, что у вас всё в порядке».

– Отмаши в ответ: «Почти. Счастливого пути!»

– Есть! – и матрос проворно засемафорил флагами.

– Ваше высокоблагородие, – взлетел на мостик вестовой Дулин, – там фершал вас просит...

- Что с Колчаком? Умер? Не может быть! – почти ошалел Руднев.
- Никак нет! – поспешил успокоить командира матрос. – Очнулся. Но странный какой-то...

Глава 2

Ледяная купель

Лязгнул отпираемый засов, скрипнула дверь, и в камеру хлынул свет. Не то чтобы очень яркий – тюремные коридоры освещались достаточно скромно, но, по сравнению с полной темнотой, которая царила здесь до этого, разница была ощутимая.

В дверном проёме обозначился силуэт.

– Гражданин Колчак, – адмирал знал голос Чудновского, – на выход!

«Ну вот и всё, – подумал свергнутый диктатор. – Явно не на утренний кофе приглашают...»

– Через минуту буду готов.

– Да хоть через две, – хмыкнул руководитель Чрезвычайной следственной комиссии. – Не по боевой тревоге мы вас разбудили.

– Умыться можно?

– Уже умоемся скоро. Одевайтесь!

Самуил Чудновский уже во время допросов вёл себя крайне хамски по отношению к подследственному. Если эсеро-менепевики, которым передали Колчака чехословаки, были во время следствия достаточно корректны, то сменивший их большевистский представитель постоянно ущемлял и унижал бывшего сибирского правителя.

– Я готов!

– Выходите и следуйте за мной.

В коридоре ждали ещё трое дружинников с винтовками, даже с метрового расстояния явственно ощущался запах перегара – или им перед расстрелом по бутылке выделили, или это просто их стандартное состояние...

Чудновский двинулся первым, за ним один из конвоиров, затем Колчак, замыкающими пошли ещё двое.

Во дворе тюрьмы уже стояли бывший премьер колчаковского правительства Пепеляев, военный комендант Иркутска Бурсак и ещё трое дружинников. Пепеляев был бледен, но держался относительно спокойно. Адмирал встал рядом.

– Мужайтесь, Виктор Николаевич.

– Ни о чём не жалею, Александр Васильевич, – слегка подрагивающим голосом ответил Пепеляев. – Доведись всё повторить, я поступил бы так же, как поступил.

– А я жалею. Ошибок случилось немало, доведись всё повторить, я бы их не совершил... Господи, если бы я мог вернуться к «началу пути»! – адмирал перекрестился.

– Гражданин Колчак, гражданин Пепеляев, – заговорил Чудновский. – За преступления против революции и русского народа Чрезвычайной комиссией города Иркутска вы оба приговорены к расстрелу.

– Без суда?

– Оставьте, адмирал, – усмехнулся Бурсак – Какой суд? Военное время. Вы воевали против революции с оружием в руках. Вина ваша очевидна и не требует доказательств.

– А Виктор Николаевич? Он не воевал.

– Прекратите словоблудие, – прервал Колчака Чудновский. – Приговор окончательный и будет приведён в исполнение. Не надейтесь...

– Не надеялся. К какой стенке нам встать?

– Не торопитесь к стенке. Прогуляемся ещё. Следуйте с конвоем.

Распахнулись тюремные ворота, и приговорённых повели за стены.

Для сибирского февраля погода стояла относительно мягкая – градусов десять-двенадцать ниже нуля, под ногами поскрипывал снег, над головой щедро распахнуло своё роскошное величие звёздное небо.

Минут через пятнадцать подошли к берегу реки Ушаковки возле Знаменского женского монастыря. Недалеко виднелась обширная прорубь.

– Нас что, даже не похоронят? – обернулся понявший всё Колчак к руководителю Чрезвычайной комиссии.

– Неужели вы думаете, что я заставлю своих солдат ковырять мёрзлую землю ради ваших предрассудков? – пожал плечами Бурсак. – А вам будет уже всё равно...

Ну, понятно. Не унижаться же перед этими недочеловеками...

– Ясно. Где нам встать?

– Стойте, где стоите. Можете помолиться, если хотите.

– Шинель пусть сымет – больно справная, – донеслось от дружинников, – а этот – шубу.

Колчак демонстративно застегнул шинель на все оставшиеся пуговицы и вызывающе посмотрел на палачей. Чудновский ответил ненавидящим взглядом, но решил воздержаться от совершенно не вяжущегося с актом казни инцидента с насильственным сдиранием одежды.

– Сам потом отстираешь и заштопаешь. Становись!

Шестеро дружинников построились в шеренгу в пятнадцати шагах от приговорённых. К правому флангу подошёл Бурсак. Адмирал снял фуражку, перекрестился и снова надел её.

– Тоовсь! Пли!

Шесть вспышек перед глазами, два удара в грудь... Темнота...

Мёртвого Пепеляева и полумёртвого Колчака раздели до нижнего белья, за руки за ноги раскачали над прорубью и швырнули в тёмные воды Ушаковки.

Сознание ещё не до конца покинуло адмирала, и он почувствовал, как ледяная вода сначала обожгла тело, а потом стала заполнять и лёгкие, судорожно пытавшиеся втянуть в себя воздух, которого вокруг не было...

* * *

– Это что ещё за явление! – меньше всего Колчак ожидал увидеть сейчас данную обеспокоенную усатую физиономию. – Ты кто?

– Так что, ваше высокоблагородие, фельдшер миноносца «Пограничник» Фёдор Зиновьев.

Сознание и память медленно возвращались, но легче от этого не становилось. Было очевидно, что находится он в каюте, причём в офицерской каюте именно «Пограничника»: свой бывший эсминец Колчак знал как свои же пять пальцев – это та самая каюта, в которой жил Эссен, когда выходил с ними в море. Часто выходил – «Пограничник» был его любимым, практически флагманским кораблём...

В памяти всплыло... Да нет, не всплыло – вспыхнуло событиями: мировая война, две революции, гражданская, расстрел... Таких снов не бывает, снов, где помнишь события многих лет и чуть ли не каждый день из них...

Или вот такой он – «Рай для моряков» – вернуться на любимый корабль и... Бред!

Тем более, что боль в груди ощущалась вполне конкретно. Боль от пулевых ранений, полученных на льду Ушаковки.

– Александр Васильевич, как себя чувствуете? – в каюту вошёл ещё один моряк в форме капитана второго ранга.

Руднев, узнал Колчак. Именно ему он сдавал эсминец, переходя в штаб командующего флотом.

– Здравствуйте, Владимир Иванович.

– Здравствуйте, Александр Васильевич. Вы хорошо себя чувствуете?
– Сносно. Я надеюсь, что вы меня не отвезёте в бедлам, если я спрошу, какое нынче число?

– Шестнадцатое июня, – слегка обалдел Руднев.

– А год?

– Четырнадцатый, – ещё больше удивился кавторанг, надеясь, что называть тысячелетие и век будет излишним.

– Изрядно каперанга головой приложило, – буркнул фельдшер. – Знаете, ваше высокоблагородие, пользуясь своей властью, попрошу вас уйти. Моему пациенту нужен покой.

– Но что с Александром Васильевичем?

– Головой ударились, воды нахлебались, чуть Господу душу не отдали... Бывает. Временное помутнение рассудка.

– Понимаю... Желая скорейшего выздоровления, Александр Васильевич! – кавторанг козырнул и вышел.

– Мы где, братец?

– Дык... – непроизвольно вытер ладонью усы фельдшер. – У Сворбе вроде как.

– А что со мной случилось?

– Дык, за борт сгуляли на координате. К тому же, видать, головой обо что-то ударились. Ничего, бывает, – фельдшер попался словоохотливый. – У меня как-то...

– Поди-ка пока, я отдохнуть хочу, – прервал своего эскулапа Колчак – Спасибо тебе.

– Как будет угодно вашему высокоблагородию! – вытянулся фельдшер. – Но через два часа ужин. Какие-то пожелания имеются?

– Нет. Спасибо! Ступай!

Чувствовал Александр Васильевич себя уже вполне хорошо, поэтому по уходу «эскулапа» проворно спрыгнул с койки и направился к умывальнику. Привести себя в порядок и посмотреть в зеркало. В первую очередь в зеркало...

Стянул через голову рубаху и увидел, что никаких шрамов на груди нет. А болит ведь именно в тех местах, куда ударили пули... Лицо значительно моложе, чем тогда... Неужели всё-таки сон? Или...

«Если бы я мог пройти этот путь сначала, Господи!» – сказанное во дворе иркутской тюрьмы...

Тоже бред, Колчак хоть и был верующим, но не до такой же степени. Хотя... Россия никогда и не подвергалась таким ужасным испытаниям, которые словно зазубренный гвоздь засели в его памяти. На палубу немедленно!

– Вестовой!

– Что угодно вашему высокоблагородию? – немедленно заскочил в каюту матрос.

– Что с моим мундиром?

– Не могу знать, ваше высокоблагородие. Отнесли в машинное сушить, думаю, что через полчаса будет готов и отглажен.

– Дьявольщина! – чертыхнулся каперанг. – Тогда принеси, братец, коньяку. стакан. И лимончика. И икры. Чёрной.

– Так прощения просим, ваше высокоблагородие, – только лимон могу подать. Нет икры на борту. А через час ужин будет. Извиняйте на том! – вестовой постарался не выслушивать комментарии своей речи и поспешил смыться за дверь.

* * *

Стук в дверь.

– Войдите!

– Так что, ваше высокоблагородие, – нарисовался всё тот же фельдшер, но уже с подносом, – всё как вы приказывали: коньячок, чай, лимон. На здоровье!

– Спасибо, братец! Как тебя?

– Фельдшер Фёдор Зиновьев.

– Спасибо тебе, Фёдор. Оставь меня пока.

– Есть!

Не успело как следует прогреть пищевод и прочие внутренние органы полустаканом коньяка, как уже принесли форму. Сухую, отглаженную и даже с орденами.

Колчак немедленно скользнул ногами в брюки, натянул тужурку и вышел на палубу. Всё знакомо, всё как и было: тепло от труб, матросы, вытягивающиеся во фронт, минные аппараты, на правой раковине эсминец с двумя белыми марками в верхней части труб – «Охотник». Тот самый «Охотник», что погиб на немецкой мине осенью семнадцатого года... Дальше идут явно «Сибирский стрелок» и «Генерал Кондратенко» – Особый полудивизион.

– Добрый день, Александр Васильевич! – поприветствовал каперанга командир эсминца, когда тот достаточно бодро поднялся на мостик – Как чувствуете себя?

– Здравствуйте! – пожал руку Руднева Колчак. – Физически вполне сносно. Но, вероятно, головой ударился прилично – некоторая амнезия присутствует. Слышал о подобном, но не представлял, что такое может произойти со мной. Где находимся? Куда следуем?

– Идём в Ревель. Только что прошли траверз Одесольма. Скоро будем в порту.

– Как думаете, Владимир Иванович, война скоро?

– А почему война? – удивился командир эсминца. – Вроде ничего не предвещает. Да и не готовы мы пока...

– Ну, знаете... А к какой войне Россия была готовой? Кто нас спрашивать будет?

– Знаете, Александр Васильевич, я военный, а не политик, но кому сейчас нужна война? Экономика у всех серьёзных стран Европы на подъёме...

– Поживём – увидим, – пожал плечами каперанг. – Простите, но я вас оставлю – всё-таки я поторопился утверждать, что чувствую себя хорошо...

– О чём речь, Александр Васильевич, – засуетился Руднев. – Конечно, возвращайтесь в каюту. Какие-то пожелания будут?

– Благодарю, ничего особенного не нужно. Просто отдохну...

* * *

На самом деле просто требовалось спокойно собраться с мыслями.

Итак: приходится признать, что вокруг реальность. Реальность и май четырнадцатого... Но попал сюда Колчак тоже из реальности. Как попал? Неизвестно, и пытаться это понять бесполезно, нужно просто принять... Что можно сделать, чтобы как минимум не быть расстрелянным в Иркутске, а как максимум вообще не допустить той революции и Гражданской войны? Причём на Балтике, на третьестепенном театре военных действий. Где наш флот вообще придан командованию сухопутной армии, приморский фланг которой прикрывает.

Какими силами располагаем?

Под флагом Эссена четыре броненосца, десяток крейсеров, из которых шесть броненосных, около полусотни миноносцев различной степени дряхлости и с пяток устаревших подводных лодок. Плюс «Новик». Флот минных заградителей, но это не те кораблики, которыми можно вести активные действия.

Против всего Флота открытого моря, который можно перекинуть через Кильский канал за сутки...

Ох и ах! Ну, то есть, конец Балтийскому флоту сразу и окончательно...

Вот и они здесь так думали. Думали, что у Тирпица и мыслей других нет, как только прихлопнуть всеми своими силами пару ржавых русских броненосцев. А Гранд Флита вообще не существует. И вообще не думали, что колбасники сами до жути боятся появления в Кильской бухте зловещих силуэтов «Айрой Дюка» и «Лайона». Со всем соответствующим сопровождением.

Поэтому можно смело рассчитывать, что дебют разыграется, как и раньше: у принца Генриха на Балтике поначалу будет пара современных лёгких крейсеров, несколько типа «Газелле», древние «Герты» и сколько-то броненосцев береговой обороны. Совсем дряхлых. Сколько-то миноносцев. Не новых. Реального противника у Балтийского флота фактически нет. Всю эту шелупонь «Слава» с «Цесаревичем» и броненосными крейсерами расшвыряют только так. Главное – обозначить активность. Атаковать всё, что здесь движется, не неся на себе Андреевский флаг.

Далее: далее – мины. Это – ДА. Это наше ВСЁ. Минировать Балтфлот умел как никто другой.

Теперь, можно сказать, главное: все воюющие страны реально верят, что война продлится несколько месяцев. Ну, понятно, что на самом деле – годы позиционной войны. Исходя из этого – шведская железная руда для Германии необходима жизненно. Каждый пропущенный в немецкие порты транспорт – это, в перспективе, сотни пушек, которые станут растирать в пыль и лунный пейзаж наши позиции. Так что ПРЕКРАТИТЬ И НЕ ДОПУСКАТЬ!

А для этого миноносцев не хватит. Пока не проснулись немаки, нужно показать всему миру, чего стоит торпедный удар из-под воды. Донести до Эссена, что субмарины – не средство обороны, а охотники. Пусть пока самая современная из подлодок Российского флота «Акула», но она, вместе с прочими «миногами» и «аллигаторами», может врезаться по чванливым тевтонским мордам так, что они и заходить в балтийскую акваторию будут, с ужасом разглядывая волны...

Лодки, конечно, старые, но главное ведь не железо, а люди, которые находятся в отсеках. А ведь скоро и «барсы» подтянутся – тоже не шедевр кораблестроения, но и не самый плохой из проектов... Главное – в экипажи уверенность вселить: вы на море ВСЁ, вы УЖАС, которого боится всё, что над водой. Сейте страх у врага, топите всё, что плывёт в Германию! И не бойтесь врагов – они пока не умеют с вами бороться – толща воды – ваша главная защита. Может быть, кто-то и погибнет, но даже своей героической гибелью вы спасёте тысячи жизней солдат-окопников...

Ладно, это всё лирика, а что конкретного можно сделать для России, исходя из имеющихся послезнаний? Предположим пока, что послушают и проникнутся...

Заморозить постройку «Измаилов» – всё равно во время войны ввести их в строй не удастся: тьма незаменимых деталей заказана за границей, а у нас такое производить не умеют. Так что не нужно тратить время, силы и средства на то, что не принесёт реальной пользы. Лучше бросить те самые силы и средства на форсирование достройки лёгких крейсеров типа «Светлана» – реально ценные кораблики, пожалуй, сильнейшие в своём классе. Как и «новики» в своём. Да и Балтика для «Измаилов» – как ванна для слона...

Хотя, конечно, для принятия таких решений не то что авторитета Эссена не хватит, даже морской министр Григорович вряд ли что сделать сможет. А тут какой-то штаб-офицер свои фантазии излагает...

И всё равно, главное – «сухопутье». Это вам не русско-японская, здесь для России всё решается на суше. Что можно предложить генералам? Танки? Бред! Не освоит русская промышленность в ближайшее время. А снарядный голод для русской армии в эту войну был, пожалуй, главной проблемой. А также патронный, винтовочный и прочие. В том числе и просто голод – неважненько солдаты питались.

Мины! А вот тут могут, кстати, и послушать одного из лучших минёров Балтийского флота. Минные поля не только на море, но и на суше. Конструкцию недорогой противопехотной мины сочинить совсем несложно. Не помнилось, что там на этот предмет Гагская конвенция говорит, но раз уж будут боевые отравляющие вещества, то минировать атакоопасные направления – мелкая мелочь.

Ручные гранаты – тоже дёшево и сердито. «Карманная артиллерия» очень даже пригодиться может. Особенно в обороне. Только много нужно, ой как много...

Но всё равно брошенная из окопа бомбочка своими чугунными сегментами повыкосит вражеских солдат не меньше, чем трёхдюймовая шрапнель. А стоит в разы дешевле...

Таак! Ещё граммов семьдесят, лимончик... Хорошо!

Да! Перед самой войной ведь в Финском заливе с официальным визитом будут два французских дредноута с Пуанкаре на борту и британские линейные крейсера... А не задержать ли каким-нибудь образом союзничков? Нет! Битти пусть со своими «кошками» уходит, ему и в Северном море работы выше крыши – немцам пусть там нервы портит. А вот двое «французов» здесь очень быгодились. Всё равно толку от них на Средиземном было никакого. Жалкую «Зенту» и без них утопят... Мину им, что ли, по курсу подсунуть? Или подлодку какую потренировать...

И вообще, лёжа думается лучше. Сколько там осталось? Граммов тридцать?..

Да! Нашим «севастополям» поддержка будет неплохая, когда те в строй войдут. Тем более что у русских недодредноутов только одно достоинство – артиллерия. А бронёй они лишь слегка помазаны – от попадания тяжёлым снарядом не защищены почти абсолютно...

И ещё: не делать ничего кардинального, пока «Магдебург» на камни Одесхольма не напоролся. Это поважнее, чем пару-тройку германских крейсеров торпедами с подлодок грохнуть...

Глава 3

Рисковать!

Важные решения, вплоть до научных открытий, действительно часто приходят во сне. Или на прогулке, или в кино. Почти никогда за рабочим столом. Но приходят они не сами по себе. Нужно очень долго думать над проблемой...

– Есть! – Колчака просто подбросило в койке. – Есть главное!! Ну конечно же, «Гебен»!!!

Эта германская бронированная жестянка и предопределила всё. Судьбу всей войны и поражение в ней России.

Ладно, оденемся, выдохнем, вдохнём и пойдём. Хватит уже квёлого из себя изображать.

«Пограничник» изрядно покачивало, но привычное к качке тело уверенно двигалось по беспокойной палубе, неся Колчака к мостику.

– Владимир Иванович, позвольте просмотреть вахтенный журнал? Что тут у вас происходило, пока я в каюте валялся...

– Разумеется, прошу! – слегка удивился Руднев. – Но ничего особенного, смею вас уверить.

– И тем не менее...

Семнадцатое июня... То есть до выстрела в Сараево около десяти дней... В общем, ни черта не успеть...

– Благодарю, всё в порядке и, действительно, ничего серьёзного, – Александр протянул вахтенный журнал командиру.

– Завтракать будете в кают-компании или прикажете подать вам в каюту?

– Если это не обидит господ офицеров, то в каюту. Благодарю за приглашение, но мне нужно попытаться собраться с мыслями. Передайте мои извинения, пожалуйста.

– Извинения совершенно излишни, Александр Васильевич. Спускайтесь к себе, и через четверть часа завтрак доставят.

– Ещё раз благодарю. Пожалуй, действительно пойду в каюту – голова так и гудит... Только...

– Что-то не так, Александр Васильевич? – обернулся Руднев.

– Спаситель мой где? Как он?

– А, Фомин, – усмехнулся командир миноносца. – Не беспокойтесь – жив-здоров, пожалованную за ваше спасение бутылку рома выхлебал. Дрыхнет, небось, сейчас без задних ног. Беспокоить, чтобы выразить свою благодарность, пока не рекомендую. К награде, разумеется, представлю.

– Спасибо, Владимир Иванович, а то я совсем с этими событиями, – слегка (внешне слегка, а в душе достаточно сильно) смутился Колчак – Но я не сойду с борта, не поблагодарив его.

– Разумеется. Этого права вас никто лишить не может.

– Да, разумеется...

А что «разумеется»?

Каперанг категорически не мог придумать, как продолжить этот неудобный разговор, который сам же и начал.

– Я всё-таки вас оставляю – там, когда я подходил к каюте, вестовой как раз завтрак нёс... Прошу простить, но зверски проголодался со вчерашнего дня.

– О чём речь, Александр Васильевич, – пожал плечами Руднев и улыбнулся. – Само собой, идите, подкрепитесь: голодный гость – позор для хозяина.

На завтрак подали банальный дешёвый и очень полезный «поридж».

Ну и кофе или чай на выбор с простыми бутербродами с маслом и сыром. И вполне себе достаточно...

Теперь пора подумать о будущем.

Колчак положил перед собой лист бумаги, взял перо и приступил:

Многоуважаемый Николай Оттович, надеюсь, что этот конверт Вы вскрыли именно первого июля, иначе можете оказать влияние на ход событий, и они пойдут не так, как или в моей действительности.

Сообщаю: в самом конце июня эрцгерцог Франц-Фердинанд будет застрелен из пистолета в Сараево сербским студентом Гаврилой Принципом.

Австрия объявит Сербии войну, Россия вступится за Сербию, Германия за Австрию...

В результате в начале августа начнётся самая страшная из войн, которые знало человечество. МИРОВАЯ ВОЙНА. Продлится она четыре с лишним года. Про её итоги пока умолчу, единственное, что сообщу: для России последствия станут самыми катастрофическими. Подробности сообщу лично, если данное письмо убедит Вас в том, что я именно тот, кем себя назвал.

Если Вы не поверите мне сразу, то ещё несколько фактов о ходе грядущей войны.

Наше наступление в Восточной Пруссии начнётся успешно – будет одержана победа под Гумбиненом, но закончится оно катастрофой – вся Вторая армия генерала Самсонова будет окружена и уничтожена.

Англичане в Средиземном море упустият «Гебен» и «Бреслау», те придут в Константинополь, затем атакуют Севастополь, Одессу и другие порты Чёрного моря. В результате Турция вступит в войну на стороне Германии и Австрии.

В порту Пенанг наш крейсер «Жемчуг» будет атакован и уничтожен немецким «Эмденом».

У мыса Коронель эскадра адмирала Шнее уничтожит эскадру адмирала Крэддока...

Всего этого, Николай Оттович, может и не произойти, если Вы поверите мне.

Не особо надеюсь на понимание (ситуация действительно совершенно фантастическая), всё-таки позволю себе напомнить Вам, что многие из фантастических пророчеств французского писателя Жюль Верна сбылись.

А почти два десятка лет назад англичанин Герберт Уэллс опубликовал роман «Машина времени». Попробуйте поверить, что и это невероятное всё-таки возможно...

Капитан первого ранга Александр Васильевич Колчак, расстрелянный большевиками 9 января 1920 года в Иркутске.

– Ваше высокоблагородие, – стук в дверь каюты совпал с голосом фельдшера. – Подходим к Ревелю.

– Спасибо, Фёдор, иду!

Когда флаг-капитан командующего флотом поднялся на палубу, «Пограничник» уже подходил к борту флагмана.

«Рюрик»... Мощнейший из когда-либо построенных русских крейсеров. Один из сильнейших в мире (не считая линейных крейсеров, конечно). И очень красивый корабль. А красиво именно совершенное.

Сейчас предстоит подняться на его борт и пообщаться с командующим... Но сначала нужно закончить все дела здесь, на эсминце...

– Василий Федотович, – окликнул старшего офицера миноносца Колчак.

– Слушаю, Александр Васильевич, – немедленно остановился пробегающий по каким-то своим бесчисленным старшеофицерским делам Дудкин.

– Прежде чем вас покинуть, очень бы хотелось лично поблагодарить моего спасителя. Не возражаете?

– Разумеется, – улыбнулся «старшой». – Боцман! Минёра Фомина сюда немедленно!

– Минёр Фомин по вашему приказанию прибыл, ваше высокоблагородие! – курносый и веснушчатый матрос нарисовался перед офицерами меньше чем через минуту.

– Зовут тебя как? – доброжелательно улыбнулся Колчак.

– Николаем крестили.

– Спасибо тебе, братец! Спасибо, Николай! Если бы не ты – меня бы уже рыбы доедали. От государя награду за спасение офицера получишь, само собой, а пока от меня лично... Держи четвертной! Извини, больше с собой нет.

– Премного благодарен, вашвысокобродь! – ошалел матрос – месячное денежное жалование нижних чинов было меньше двух рублей, а тут сразу двадцать пять...

– Жизнь, она подороже стоит. А не хочешь, Николай, дальше со мной служить?

– А вот извините, Александр Васильевич, – встрял Дудкин, – не отдам! Ступай, Фомин!

– Да я и не особо претендую, Василий Федотович, – ухмыльнулся Колчак. – Но предложить чувствовал себя обязанным...

– Простите... – на лице старшего офицера отчётливо читалось недоумение. – Предложить место службы непосредственно матросу? Минуя его начальство?

– Простите великодушно. Разумеется, я рассчитывал получить этого матроса только после согласования данного вопроса с вами и Владимиром Ивановичем, но раз уж вы так им дорожите – тема снимается. Вы не в обиде?

– Какие обиды, – улыбнулся Дудкин. – Но своего лучшего минёра не отдам, даже вам.

– Прекрасно вас понимаю. А откуда он, кстати? При мне его не было.

– С «Громобоя» перевели. Неделю назад. Но парень – хват.

– Хорошо, хорошо, пусть служит у вас. Но в случае чего прошу учесть моё к нему благоволение.

– В смысле? – напрягся старший офицер.

– В смысле: если дисциплину нарушит или ещё что-то в этом плане – взгрывать вдвойне, ну а если ещё какой подвиг совершит... Тоже вдвойне.

– Не беспокойтесь, Александр Васильевич, – губы Дудкина снова растянулись в улыбке. – Обеспечу ему «вдвойне» во всех смыслах. Однако, мы подходим уже. Извините!

«Пограничник» аккуратненько подходил к борту флагманского крейсера.

* * *

– Здравствуйте, Александр Михайлович! – поприветствовал Колчак командира «Рюрика», поднявшись на борт.

– Рад приветствовать, Александр Васильевич, – не остался в долгу Пышнов. – Как самочувствие?

– В каком смысле?

– Да уже сообщили о вашем приключении, – во взгляде каперанга чувствовалась явная ирония.

– Ах, вы об этом, – как бы нехотя отмахнулся Колчак. – Всё в порядке. Где командующий флотом?

– У себя в салоне. Вас проводить?

– Вообще-то я дорогу туда не забыл, – улыбнулся флаг-капитан. – Не смею отвлекать...

Командующий Балтийским флотом выглядел... Ну, в общем, выглядел так же, как и раньше, как шесть лет назад, если судить исходя из того самого года, который оставил Колчак в будущем: невысок, мягко говоря, лысоват, но вот глаза... Нечасто встретишь человека, у

которого из глаз так и «прёт умом». Описать это невозможно – можно почувствовать, только встретившись взглядом с таким человеком.

– Здравствуйте, Александр Васильевич, мне уже доложили о вашем приключении, – Эссен доброжелательно улыбаясь протянул руку. – Как самочувствие?

– Благодарю, Николай Оттович, – пожал протянутую руку Александр, – прилично в плане самочувствия.

– Ну так и замечательно. Я, признаться, слегка забеспокоился, когда сообщили – старый и опытный миноносник «сгулял за борт» при резком повороте... А Меркушову я самолично ижицу пропишу, можете не беспокоиться...

– Не надо «ижицу» Меркушову, – беседа начиналась категорически не так, как планировал Колчак. – Подводники только учатся воевать. И пусть учатся. Учёбы без ошибок не бывает.

– Согласен, – Эссен выжидающе посмотрел на собеседника. – Но, судя по тону, вы не только это хотели мне сообщить. Не так ли?

– Не только, – собравшись с силами, выдохнул каперанг. – Ваше превосходительство, очень вас прошу не удивляться, но запечатать данный конверт собственной печатью, поместить в личный сейф и не вскрывать до первого июля. И прошу вас дать слово, что вы его не вскроете до назначенного срока.

Конверт шлёпнулся на стол, и Эссен, ошалевший от тирады, несколько раз посмотрел как на сам конверт, так и на того, кто его доставил.

– Александр Васильевич, вы хорошо себя чувствуете?

Ну что же, вполне ожидаемая реакция.

– Вполне прилично. Спасибо! Ваше превосходительство, я прекрасно понимаю недоумение, которое вы испытываете от этой просьбы, но умоляю её выполнить. Ведь это никак и никому не может принести вреда, правда?

– Пожалуй, – задумчиво буркнул вице-адмирал.

– А для меня это очень важно. Прошу вас!

– Хорошо, но после этого вы дадите мне объяснения.

– Разумеется.

– Итак... – выжидательно посмотрел на Александра Эссен, после того как лязгнула дверца сейфа. – Я жду, Александр Васильевич.

Вдох, выдох, поехали!..

– Я вернулся из тысяча девятьсот двадцатого года. Меня расстреляли в Иркутске на берегу реки Ушаковка.

– Вот как? – удивлённо приподнял бровь командующий Балтфлотом. – Тогда один из нас сумасшедший... Знаете, в своём душевном здоровье я уверен. Так что докторам придётся показать вас.

– Выслушайте, ваше превосходительство! Пожалуйста! Дайте мне хотя бы несколько минут для объяснений!

– Две! – взгляд Эссена не предвещал ничего хорошего. – И если ваши объяснения меня не удовлетворят, господин капитан первого ранга, то в дальнейшем вам придётся их давать докторам. Слушаю!

– Ваше превосходительство...

– Теряем время! – достаточно зло оборвал адмирал. – Давайте в дальнейшем без титупования.

– Хорошо... Я ничего не могу объяснить, ибо сам ничего не понимаю. Не понимаю, как меня могло отбросить в прошлое, не понимаю, почему жив, но то, что я помню из последних шести лет своей жизни, – реальные события...

– Имеет ли мне смысл слушать вас ещё минуту? – скривился Эссен.

– Доказательства заперты в вашем сейфе. И вы дали слово не вскрывать конверт до первого июля, Николай Оттович. Дали слово!

– Продолжайте!

– Спасибо! Надеюсь, что вы не думаете, что я проиграл в какие-нибудь фанты на последнем балу и теперь должен так нахально и глупо мистифицировать самого командующего флотом?

– Нет, Колчак бы скорее застрелился. Дальше!

– Николай Оттович, вы читали «Машину времени» Уэллса?

– Приходилось. Хорошая книга... Хотите сказать, что это на самом деле возможно?

– Я не могу вам ничего доказать, пока вы не вскроете конверт. Да и тогда аргументы могут выглядеть неубедительными, но аргументы будут. У вас появится шанс мне поверить. А пока прошу подвергнуть меня аресту до первого июля по новому стилю. Потом – судите сами. Я уложился в отведённые минуты?

– Сядьте! – адмирал указал на кресло и, подойдя к иллюминатору, на несколько минут замолчал. Колчак терпеливо ждал решения.

– Предположим, что я допускаю возможность вам поверить, – наконец заговорил Эссен. – Чего вы хотите?

– Николай Оттович, грядёт война. Долгая война, страшная война. Она закончилась для России катастрофой. С вашей помощью я надеюсь изменить её ход, спасти страну и народ от тех ужасов, которые их ожидают. Повторяю: прошу подвергнуть меня аресту и дожидаться начала июля.

– Да? – неожиданно весело посмотрел на своего собеседника командующий. – Вы хорошо устроились, Александр Васильевич! Вы свалили мне на голову некоторую совершенно невероятную фантазмагорию, связали меня словом и хотите отсидеться под арестом, пока я с этим буду почти две недели жить? Чтобы я оказался в бедламе раньше вас? Нет уж, голубчик, теперь рассказывайте. Не менее часа рассказывайте – если вы сказали правду, то для вас это не составит труда, а если всё-таки лжёте, то даже самой изощрённой фантазии не хватит, чтобы не попасться на противоречиях в самые же первые минуты. Я слушаю!

Вот это да! То бишь, есть шанс? Выслушает??

– Знаете, Николай Оттович, – после десятисекундного раздумья решил Колчак, – я, пожалуй, освобожу вас от слова, которое вы дали. Вскрывают конверт и читайте.

– Да? – удивился Эссен. – Благодарю! Не премину воспользоваться вашей любезностью.

Несмотря на то, что в голосе адмирала сквозила открытая ирония, он подошёл к сейфу, открыл его, извлёк конверт... Было видно, что любопытство так и бушует в старом морском волке – конверт он распечатал даже до того, как снова запер дверцу сейфа.

– Ладно, подождите... – командующий углубился в чтение.

Для того, чтобы пробежать текст глазами, достаточно было и минуты, но вот осмысление требовало времени... А осмысление явно происходило – не то что лицо, даже лысина Эссена побагровела.

– Ну, предположим... – командующий смотрел на Колчака отнюдь не по-доброму. – Кстати, достаточно убедительно и не противоречит логике. А можно полюбопытствовать: как и когда умру я? Если этого нельзя изменить, то не отвечайте.

– Это можно изменить, поэтому отвечу...

– Ещё одна оговорка, – забеспокоился адмирал. – Если спасение моей жизни связано с нарушением воинского долга или чести вообще – приказываю молчать!

– Ну что вы, Николай Оттович, я бы и не позволил себе открывать вам ТАКОЕ будущее. Вы умерли весной следующего года от воспаления лёгких. Поэтому очень вас прошу: что бы ни произошло со мной – берегите себя. Хотя бы от такой, нелепой для боевого моряка, смерти.

– Стоп! – Эссен дышал тяжело, и Александр начал всерьёз беспокоиться, не разобьёт ли командующего Балтийским флотом удар прямо сейчас...

– Александр Васильевич, я принял решение.

– Подчиняюсь ему без возражений, – наклонил голову Александр.

– Вы отправляетесь под арест...

– Слушаюсь!

– Не перебивайте! Под домашний арест. Ваша семья в Сестрорецке? На даче?

– Так точно, ваше превосходительство.

– Я знаю – там. Вот туда вас и доставят. Поклон супруге от меня лично. Считайте себя арестованным. Когда вы мне понадобится – вам сообщат.

Глава 4

Тепло родного очага

«Лейтенант Бураков» доставил флаг-капитана на место. Вельбот с четырьмя матросами и мичманом подгрёб к деревянному пирсу.

– Спасибо, братцы! – поблагодарил гребцов Колчак. – Спасибо, Николай Евгеньевич! – это уже мичману.

– Хорошо отдохнуть, Александр Васильевич! – крикнул мичман с отходящего от пирса вельбота.

– Рад приветствовать ваше высокоблагородие, – поклонился встречающий на пирсе матрос. – Разрешите вещички принять?

Вещей у Александра было всего ничего – пара портфелей.

– Этот возьми!

– Есть, ваше высокоблагородие! – привычно вытянулся матрос.

– Пошли, что ли? – повелительно-вопросительно обратился Колчак к матросу.

– Так только вашего приказа и ждал, – пожал плечами парень и потопал по доскам пирса...

– Саня! – из-за подстриженных в лучших традициях Лувра кустов навстречу вышла жена. – Тебя Николай Отгович отпустил к нам? Надолго?

Нет, Софья Фёдоровна Колчак, конечно, не была «сногшибательной и ослепительной», тем более что в то время выглядеть таковой женщине тридцати восьми лет возможностей не предоставлялось. Но Александр поневоле залюбовался высокой фигурой, высокой же и очень тонкой талией, очень милым лицом с огромными глазами – она не ослепляла, она завораживала...

Колчак со стыдом вспомнил, насколько пренебрежительно он относился в «будущем» к своей жене, сколько страданий принёс этой чудесной женщине, которая его очень любила и постоянно прощала. Больше такому не бывать! Никакой Анны Тимирёвой в его жизни теперь не будет.

– Са-аш, очнись! – жена подбежала и обняла своего мужа. Офицер не мог не ответить тем же. Господи, каким нежным и хрупким чувствовалось её тело при этом недолгом объятии!

– Здравствуй, Сонечка! Извини, что без предупреждения, но всё случилось так неожиданно...

– Что-то случилось? – отпрянула супруга. – Что?

– Ничего особенного, – попытался придать своей физиономии нейтральное выражение муж. – Где Славка?

– Спят после прогулки. И Слава, и Маргарита. Ты проголодался?

– Нет, спасибо. Пару часов вполне себе обойдусь.

– Так что случилось? – на лице жены читалось нешуточное беспокойство. – И не надо меня обманывать, я не первый год за тобой замужем. Если бы «ничего особенного», то Эссен тебя бы к нам не отпустил.

– Да... Стыдно сказать – свалился за борт при координате. И головой ещё при этом приложился. Вот на обледенелой палубе в Северных морях или в Артуре ни разу не поскальзывался, а тут... Извини, Сонечка, иногда амнезия теперь случается, так что не удивляйся, если чего-то не вспомню...

– Господи! – всполошилась жена. – Сейчас как себя чувствуешь? Пойдём в дом!

– Да пойдём, конечно, – Колчак поднял с земли портфель, стоявший поодаль матрос поспешил поднести ему второй. Его немедленно подхватила Софья.

– Дорогая, я себя уже очень хорошо чувствую, – возмутился Александр. – Уж два портфеля-то я донести до дома способен. Спасибо, братец! Можешь возвращаться на эсминец.

Дача совсем не напоминала то, что обычно представляют в качестве места отдыха «крокопищ народных тех времён» – капитан первого ранга арендовал для своей семьи на лето одноэтажное строение в четыре комнаты: спальня, детская, столовая и комната прислуги, вернее, комнатёнка. Плюс кухня и санузел.

– Кофе будешь?

– Спасибо, родная, выпью, пожалуй. Ты со мной?

– Что «с тобой»? – не поняла жена.

– Кофе выпьешь, – улыбнулся Колчак. – Составишь компанию?

– Конечно. Потерпи десять минут. Можешь покурить пока на террасе.

– Я не курю... Уже пять дней, – поспешил поправиться Александр, увидев удивлённое лицо жены. – Надеюсь бросить совсем.

– Саня, – супруга была просто ошарашена, – ты серьёзно? Выдержишь?

– Постараюсь, солнышко, – не так это и трудно, оказывается. Я жду свой кофе и свою жену!

Пока Софья кулинарствовала, Колчак попытался попридумывать ещё хоть что-нибудь, чем сможет помочь Флоту и России в грядущей войне. И кое-что надумал: глубинные бомбы – идея-то проста как блин. Бочка с взрывчаткой и взрыватель, срабатывающий при определённом нажиме. Технически, конечно, повозиться придётся, но, главное, принцип – и уже в первые годы войны эсминцы будут не просто палить по вражеским субмаринам совершенно неэффективными и дорогими ныряющими снарядами, а, проходя над местом предполагаемого нахождения подлодки, сбрасывать на неё десятки, а то и сотни килограммов взрывчатого вещества, которое превратится в стремительно расширяющиеся газы на заданной глубине. И они шибанут гидравлическим молотом по пока ещё очень слабым корпусам немецких лодок. Хотя это сложновато при нынешних технических возможностях... Значительно проще приделать к бомбе поплавков на шнуре: когда она утонет на заданную глубину, сопротивление поплавка активизирует взрыватель, и всё...

– С кардамоном, как ты любишь, – вышла на террасу супруга с подносом. – Коньяк к кофе не предлагаю – рановато пока, но булочки Тереза Генриховна испекла сегодня чудесные. Ещё тёплые, попробуй!

Аромат от кофейника распространялся действительно очень приятный и не совсем привычный. Ну что же – попробуем с кардамоном.

Оказалось на редкость вкусно. А булочки, хоть Колчак уже давно весьма прохладно относился к всевозможным мучным изделиям за исключением просто хлеба, были чудесны.

– Саня, в самом деле всё в порядке? – обеспокоено посмотрела на мужа Софья Фёдоровна.

– Всё хорошо.

– Не скажешь по тебе – мрачный, задумчивый. Всё-таки в семью вернулся. Две недели не виделись. Мог бы хоть изобразить радость.

– Сонечка, милая, я действительно очень рад тебя видеть. И детей обнять не терпится, но не будить же их? И мы будем все вместе ещё целую неделю как минимум...

– Вот это-то меня как раз и удивляет в первую очередь, – жена пристально посмотрела на Колчака. – Я не первый год за тобой замужем. И если Николай Оттович отпустил тебя летом на целую неделю к семье, то, значит, произошло что-то очень серьёзное. Что?

– Папа! – спас положение звонкий мальчишеский голос.

В дверном проёме стоял мальчишка лет четырёх-пяти и спросонья шурился на летний день.

– Славик! – вскочил ему навстречу Колчак. – Иди ко мне!

Пацанёнок взвизгнул от восторга и затопал босыми ногами по дощатому полу. Несколько секунд, и он повис на шее у отца.

– Ну, здравствуй, сынок!

– Здравствуй, папочка, а когда мы поедем кататься на лодочке, ты обещал, что, когда приедешь, то покатаешь меня! – никаких пауз в этой фразе не было, ребёнок выдохнул её за раз. Колчак вспомнил, что действительно дал своему сыну слово по поводу морской прогулки при прощании, и тот ждал исполнения маленькой, но такой заветной мечты всё это время.

– Конечно, покатаю! – благо, что Александр Васильевич прекрасно помнил, что рядом с пирсом, к которому приставала шлюпка с «Буракова», имелся прокат лодок.

– Только после обеда, Слава, – вмешалась мать. – Покушаешь, и поедем. Рита проснулась?

– Мама-а-а! – из дома в качестве ответа донёсся ещё один детский голосок.

– Ну вот и наша спящая красавица очи свои открыла, – улыбнулась Софья. – Пойдём к ней?

Маргарите Колчак уже минуло полтора года, то есть как бы говорить она уже начала, но несведущий человек в её языке разбирался с трудом.

– Ись – папа писёй! – радостно прошептала кроха, вскочила в кроватке и, лучезарно улыбаясь, протянула руки к отцу. Что означало «ись», Александр не понял, но немедленно подхватил на руки кучерявого ангелочка, который просто светился от счастья.

– Здравствуй, доченька, как поспала?

Просто удивительно, до чего приятно пахнут маленькие дети. Даже когда они едят не только молоко и прочие до невозможности диетические продукты. Колчак просто зажмурился от удовольствия, вдыхая запах детской кожи, когда прижал к себе девочку.

– Хассе пая, – мурлыкнула дочь, крепко обхватывая нежными ручками папину шею. – Пи-пи!

– Ну, тогда иди к маме, – протянула руки Софья. – Давай, давай! Папа никуда не денется, пойдём со мной «пи-пи».

– Папа! – просто удивительно, как быстро меняются детские эмоции и выражение милых мордашек вместе с этим. Крошка, кажется, уже была готова расплакаться.

– Мне с тобой нельзя, доченька, – улыбнулся Александр. – Но я тебя жду здесь, обещаю!

И тут же вспомнилось, что этой крохе осталось жить всего ничего – меньше чем через год простудится и умрёт. Так что этого тоже допустить нельзя...

– Добрый день, Александр Васильевич! Не ждали вас, – в дверях появилась достаточно миловидная женщина лет пятидесяти. Та самая Тереза, которая испекла те самые булочки к кофе. Говорила дама с лёгким акцентом, но настолько лёгким, что совершенно невозможно было понять, какой язык для неё родной – немецкий, польский и ещё какой-то. Явно не французский.

Рядом с нею на полу стояли две небольших корзинки, из которых торчало столько всевозможной зелени, что казалось, будто укроп, петрушка, лук, кинза и всякая прочая флора собирались устроить фейерверк из своих листьев и побегов. Явно на какой-нибудь местный рынок ходила за припасами...

– Здравствуйте, Тереза Генриховна!

– Какими судьбами к нам?

– Неисповедимы пути морского офицера. Буду вашим гостем ещё как минимум неделю.

– Очень рада. Обед через полчаса. Ничего особенного не обещаю, но на ваших кораблях этим вряд ли угощали.

– Интригуете? А чем?

– Интригую, – улыбнулась в ответ экономка. – Поэтому не скажу. А где Софья Фёдоровна?

– Вышла с Марго по женским делам, – улыбнулся каперанг.

– Понимаю. Тогда вам, Ростислав, придётся помочь женщине принести продукты на кухню.

Александр, мазнув взглядом по корзинам, интенсивно захотел возразить, что пятилетнему ребёнку, пусть он даже и представитель мужского пола, ни одну из них не уволочь. Но сын, до этого времени молча державшийся за папину штанину, бодро затопал к Терезе, внимательно рассмотрел содержимое ближайшей корзины, цапнул оттуда пучок редиски и гордо понёс его на кухню.

– Разрешите, остальное отнесу я?

– Премного обяжете, Александр Васильевич, – слегка удивилась «домоправительница».

А обед, действительно, не разочаровал: окрошка была восхитительной, и даже сквозь вкус зелени чувствовалось, что квас превосходный, а осетрину, припущенную в белом вине, которую подали на второе, Колчак всегда обожал. Ну и клубника со взбитыми сливками на десерт. Да, на флоте вряд ли так покормят, даже в салоне командующего. Тем более такого командующего как Эссен – этот вообще из командного котла «Рюрика» питался, что сказывалось и на качестве завтраков-обедов-ужинов всех матросов флагманского крейсера...

– Папа, на лодочке!.. – Ростислав смотрел на отца умоляющими глазами, он уже был готов к осуществлению своей маленькой детской мечты – переодет в матросский костюмчик, с синим трёхполосым гюйсом¹.

– Разумеется, юнга! – встал из-за стола Колчак. – Сударыня, вы с нами?

– Разумеется, мой капитан, – улыбнулась Софья. – Только сначала Маргариту уложу.

– Не беспокойтесь, Софья Фёдоровна, – вмешалась Тереза. – Ростислав Александрович мне сегодня помог, и ему очень хочется в море. Надеюсь, вы доверите дочь мне?

– Конечно. Спасибо, Тереза Генриховна.

* * *

Сынуля подготовился солидно – даже бескозырку с ленточкой приготовил, ну просто настоящий моряк вышагивал рядом с капитаном первого ранга. Двигались неторопливо, то есть Александр вёл жену спокойно, под руку, слегка трепеща внутри, чувствуя прикосновение её груди к своей руке, а вот Колчак-младший нарезал круг за кругом вокруг родителей.

Владелец проката лодок явно служил раньше на флоте, ибо, увидев подходящего капитана первого ранга, машинально вытянулся во фронт и чуть ли не дёрнул руку к отсутствующей бескозырке:

– Здравия желаю вашему высокоблагородию!

– Добрый день! – Колчак на всякий случай даже козырнул. – Хочу попросить у вас ял, семью покатасть. Сколько стоит будет?

– Так двугривенный, ваше высокоблагородие.

Немало, кстати. Матрос получал на Балтике меньше двух рублей в месяц. Но, учитывая капвложения данного владельца лодочной станции, сезонность его заработка и случайность одного, – не так уж и много.

– Держи! Где служил?

– На «Жемчуге», ваше высокоблагородие. В Цусиме на нём побывал. Матрос первой статьи гальванёр Прохор Усатов.

– Держи ещё полтинник, гальванёр. Только... – каперанг зашептал что-то на ухо бывшему матросу.

¹ Гюйс – сленговое название большого матросского темно-синего форменного воротника с тремя белыми полосами. По преданию, эти самые белые полосы символизируют победы русского флота при Гангуте, Чесме и Синопе.

– Сделаем, ваше высокоблагородие! – хозяин лодочной станции просто расцвёл в улыбке. – Как не сделать? Да с нашим удовольствием! Минут с пяток только подождите...

Через пять минут к пирсу подгребла шлюпка со слегка трепетавшим на корме Андреевским флагом. Небольшим. Но флагом. Андреевским. Вернее, его подобием – белый бумажный прямоугольник с косым синим крестом. Поднять на прогулочной лодке реальный военно-морской флаг было чревато каторгой для владельца. Ну да кто увидит?

– Лодочка! – лицо Ростислава излучало непередаваемый восторг. Мальчишка просто рвался на борт.

– Стоять, юнга! – делано-сурово бросил «старший по званию». – Первым на корабль заходит его командир.

Колчак спокойно спустился в ялик, не забыв церемонно отдать честь флагу. Прохор, вручив вёсла каперангу, выбрался на пирс. И флагу козырнуть тоже не забыл, разумеется.

До маленького Ростислава это дошло – сообразительным пацан оказался: прежде чем шагнуть в «лодочку», мальчишка церемонно вытянулся и чётко поднёс ладошку к бескозырке.

– Все на борт! Сначала женщины.

Колчак помог спуститься в ял жене, потом принял сына, уселся за вёсла. Поехали! В смысле: «Пошли».

– Счастливого плавания! – помахал с пирса картузом бывший матрос.

Невероятно приятно катать кого-нибудь на лодке. Особенно женщину, которую любишь. Однако, черпая лопастями вёсел воду Финского залива, Александр в мыслях своих был не здесь – снова и снова приходилось мучиться на предмет того, что делать дальше.

Допустим, Эссен всё-таки поверит (а если этого не допустить – просто вешаться впору).

В общем, берём как аксиому: командующий Балтфлотом поверил и готов содействовать. Что дальше? Судьба войны решается на суше и только на суше, даже если произойдёт чудо, и удастся грохнуть заглянувший на Балтику германский дредноут, – это прибавит славы, но почти не прибавит пользы. Чёрт с ней, с Флотилией Северного океана – нечего там броненосцам делать, «Аскольда», «Жемчуга» (не забыть спасти) и миноносцев за глаза хватит. И нечего японцам за возвращение трофеев платить: пусть «Полтава», «Пересвет» и даже «Варяг» останутся им. Соответствующие миллионы, пожалуйста, винтовками, пулемётами и патронами. И снарядами.

Армии Самсонова не помочь – никто из генералов всерьёз не воспримет советы ни капитана первого ранга, ни самого Эссена. Предложить передать в армию с пару десятков радиостанций с шифровальщиками? Абсурд.

«Гебен»! А вот это серьёзно. Если англичане поймают в Средиземном море адмирала Сушона, то Турция почти наверняка не вступит в войну. Ну, если не просто поймают, а ещё и потопят...

Без «Гебена» и «Бреслау» Чёрное море превращается во внутреннее озеро Российской империи. А серьёзных железных дорог у турок на Анатолийском полуострове нет, и их Кавказская армия окажется гарантированно отрезанной от снабжения. А русский Черноморский флот пренадёжнейше заблокирует снабжение по морю.

Турки не дураки и прекрасно это понимают...

А вот это уже серьёзно: если Турция не вступит в войну, то и проливы открыты, и корпуса Кавказской армии долбанут по колбасникам. Болгария, Греция, Италия и Румыния вполне могут вступить в войну раньше, причём именно на стороне Антанты...

«Гебен» – это действительно главное. Это всего Ютландского сражения стоит...

Открытые для транспортных судов Босфор и Дарданеллы – это почти гарантия выигранной войны – поставки боеприпасов от союзников и их поддержка российским сырьём и провиантом дорогого стоят. И срочно вбухивать миллионы для строительства Романова-на-Мурмане и железной дороги между ним и Питером не будет необходимости...

– Капитан! – прервал мысли Колчака голос супруги. – Поаккуратнее!

Действительно, задумавшись, каперанг зацепил лопастью весла только гребень волны и щедро окатил брызгами своих жену и ребёнка. Надо сказать, что Ростислав был только счастлив: он получил сегодня не только солёный ветер, но и солёные брызги, начинал чувствовать себя настоящим морским волком – будет чем похвастаться перед друзьями!

– Прошу прощения, дорогая, – неизбежные на море случайности, мы именно в море, а не на питерском пруду. И не обещаю, что подобное не повторится. А как ты, юнга?

– Всё в порядке, господин капитан! – бодро отозвался Ростислав. – Готов выполнить любое ваше приказание...

– Приказ один: сидеть на банке и охранять женщину на нашем корабле!

– Есть, капитан!

Когда причалили к пирсу, Прохор помог выбраться на доски как Софье Фёдоровне, так и Ростиславу (всё-таки не слишком простым оказалось для мальчика первое испытание морем).

Далее ужин, на который Тереза Генриховна приготовила тушёного кролика и пирог с ревенем, а потом...

Александр давно уже соскучился по женскому телу, которое прижималось бы к нему. Анна Тимирёва... Всё! Забыть! Вычеркнуть из памяти навсегда!!

А в том, что Софья в Смольном институте изучала не только правила этикета, танцы и прочее, но и общалась с подругами-смольнянками, Колчак убедился в первую же неделю после свадьбы.² Здесь сошлось: и мужчина, и женщина понимали, что супружеское ложе предназначено не только для продолжения рода...

– Саня, ты никогда не был таким страстным и нежным, – усталым голосом прошептала Софья. – Спасибо тебе. Я в раю!

– Люблю тебя, родная. А «спасибо» здесь излишне – я ведь тоже...

– Ты зануда, любимый! Спим!..

* * *

Оставшиеся дни Колчак проводил в своём кабинете, ему очень хотелось предстать перед Эссеном не с пустыми руками, а с конкретной «бумагой». А дальше – пусть как хочет: доверять, не доверять...

И марались чернилами листы, про «Гебен» с «Бреслау», про «Жемчуг», про противогазы, о минных постановках во вражеских акваториях, о необходимости донести до подводников, что они не средство обороны, а сторона нападающая... И прочее, и прочее, и прочее...

Так прошли две недели, пока, наконец, не произошло...

Произошло то, что позволило Ярославу Гашеку начать свой бессмертный роман словами: «Убили Фердинанда-то нашего!..»

Да, эрцгерцога Франца-Фердинанда (отличавшегося, кстати, конкретной русофилией) застрелил в БОСНИЙСКОМ (принадлежавшем Австро-Венгрии) Сараево сербский студент Таврило Принцип. Он, надо сказать, был не первым среди покушавшихся – сначала метнул в наследника престола свою гранату Неделько Чабринович, но промахнулся.

² Институт строго оберегал младенческую непорочность своих воспитанниц. Она считалась основой высокой нравственности. В стремлении оставить институток в неведении относительно греховных страстей и пороков воспитатели доходили до форменных курьезов: иногда седьмую заповедь даже заклеивали бумажкой, чтобы воспитанницы вообще не знали, о чем здесь идет речь. Варлам Шаламов писал и об особых изданиях классиков для институток, в которых «было больше многоточий, чем текста»: «Выброшенные места были собраны в особый последний том издания, который ученицы могли купить лишь по окончании института. Вот этот-то последний том и представлял собой для институток предмет особого вождления. Так девицы увлекались художественной литературой, зная «назубок» последний том классика.

Эрцгерцог продолжил свой путь, словно упорно нарывался на пулю. Её и получил. И жена его такую же получила.

Австрия немедленно выставила ультиматум Сербии. Он как будто был заготовлен заранее.³

* * *

– Саш, представляешь: убили австрийского эрцгерцога! – Софья держала в руках свежую газету. – Это невообразимо! Зачем?

– Это война, Сонечка, – мрачно озвучил Колчак.

– Ну, ты уж слишком...

– Поверь мне – война.

Софья Фёдоровна пристально посмотрела на мужа.

– Уверен?

– Более чем. К сожалению...

На следующее же утро на дачу прибыл Альтфатер – кавторанг, который был весьма и весьма дружен не только с самим Колчаком, но и с его семьёй.

– Всё хорошеете, Софья Фёдоровна!

– Вашими молитвами, Василий Михайлович, – поднялась навстречу гостю хозяйка дома. – Судя по неприкрытой лести, вы прибыли, чтобы увезти моего мужа.

– Увы, это так.

– Здравствуй, Василий! – зашёл в комнату Колчак. – Каким ветром к нам?

– Исключительно попутным, Александр Васильевич, – улыбнулся кавторанг. – Здравствуйте!

– Рад видеть! Чем обязаны визитом?

Мужчины пожали друг другу руки.

– Желанию Эссена. Представь, говорит, пред мои светлые очи капитана первого ранга Колчака в кратчайшие сроки.

– Вот прямо так и сказал?

– Ну, не буквально... Я прибыл на «Прытком» – самом скоростном из миноносцев флота. Не считая «Новика», конечно. Это о чём-то говорит?

– Говорит...

– И я говорю, – вмешалась Софья: никуда я вас без обеда не отпущу, Василий Михайлович, подождёт ваш Эссен лишний час.

Альтфатеру осталось только сдать. А уха, фрикасе из курицы и пирожки с земляничкой, которые мастерски приготовила Тереза Генриховна, действительно оказались выше всяких похвал.

– Успокойте меня, Василий Михайлович, – обратилась Софья к Альтфатеру за кофе. – Саша уверяет, что из-за этого убийства эрцгерцога в Боснии будет война. Это правда?

– Ты серьёзно? – удивлённо посмотрел тот на Колчака. – Какая война? Из-за чего? Австрийский подданный застрелил австрийского наследника престола. Кому австрияки могут выставить претензии?

– Убийца – серб.

– И что? – рассмеялся кавторанг. – Мало ли национальностей проживает в «лоскутной империи» Франца-Иосифа. Если бы это оказался мадьяр, Вена объявила бы войну Будапешту? Не беспокойтесь, дорогая Софья Фёдоровна, войны не будет – она сейчас никому не нужна.

– Поживём – увидим, – мрачно буркнул Колчак. – Нам пора.

³ Мнение автора – он был заготовлен заранее, как и вся эта провокация.

– Разумеется! – поднялся со стула посланник командующего. – Благодарю за радушный приём, Софья Фёдоровна, обед был превосходен, ради него не обидно будет и выволочку от Эссена получить. До свидания. Честь имею!

– До скорого свидания, Василий Михайлович! Вы всегда желанный гость в нашем доме. Мужа я отпущу через несколько минут.

Альфатер и сам прекрасно понимал, что его присутствие при прощании супругов совершенно не обязательно.

– Жду у калитки, Александр Васильевич.

Вошла Тереза Генриховна с Маргаритой на руках, Ростислав шёл рядом.

– Ну что, Славка, – подмигнул сыну Колчак, – теперь ты единственный мужчина в доме. Помогай женщинам, защищай их, если что – очень на тебя надеюсь. Иди ко мне!

Мальчик немедленно повис на шее у отца.

– Пап, ты на войну?

– Нет пока никакой войны, надеюсь, что и не будет, – солгал офицер. – Не беспокойся. Ну ладно, ступай!

– Досиданя папоська, – прижалась к Колчаку дочка. Маленькие дети совершенно не контролируют своих эмоций, и то, что девочке было грустно, можно было понять не только по слёзкам на глазах, но и по резко выгнутым вниз уголкам губ – взрослые при всём старании не способны выразить на своём лице такую отчётливую грусть...

– До свидания, моя хорошая, – нежно обнял Маргариту Колчак. – Я буду приезжать. Слушайся маму и Терезу Генриховну.

– Хассё!..

– Ну что, дорогая, – посмотрел жене в глаза Александр, – возможно, скоро загляну... Возможно, очень не скоро – война решит.

– Надеюсь всё-таки, что её не будет.

– Время покажет. И вот что: не вздумай ездить за мной по портам, тем более с детьми, сейчас живи здесь, а как похолодает – на нашей квартире. Я сам, по возможности, буду приезжать, – Колчак снова вспомнил как во время переезда из Либавы простудилась и умерла его дочь. – Ну, до встречи, любимая!

Супруги обнялись и около полуминуты не могли оторваться друг от друга...

– Всё! Пора!

Глава 5

Кануны

Командующий Балтийским флотом нервничал. Первое время он считал пророчества Колчака вывертами человеческой психики после стрессовой ситуации – ничего, отдохнёт – придёт в себя, однако червячок сомнения всё-таки поселился в мозгу Эссена: «А вдруг?». Когда же произошло сараевское убийство, да ещё в точно предсказанную дату... Тут поневоле задумаешься. Необходим был ещё один разговор, и уж теперь отпускать своего флаг-капитана к семье адмирал не собирался. Уже несколько раз он гонял своих флаг-офицеров в радиорубку «Рюрика» справиться о том, где находится в данный момент «Прыткий». К вечеру эсминец подошёл к борту флагмана.

– Ваше превосходительство, капитан первого ранга Колчак по вашему приказанию прибыл!

– Здравствуйте, Александр Васильевич! – встал и протянул руку Эссен. – Прекрасно выглядите. Догадываетесь, почему я вас вызвал?

– Так точно. Сараево?

– Разумеется. Присаживайтесь, – указал на кресло адмирал.

– Благодарю, – Колчак сел и выжидательно посмотрел на командующего.

– Ну что же, ваши предсказания начинают сбываться, вы, конечно, уже в курсе боснийских событий, так?

– Конечно.

– Я слышал, что «вернувшиеся с того света» зачастую приобретают сверхъестественные способности, например дар предвидения...

– Не тот случай, Николай Оттович, – посмел прервать Эссена его флаг-капитан. – Нет у меня никаких озарений, я просто прекрасно помню все события грядущих пяти лет, я их прожил.

– Но как это возможно? Нет, я не могу не верить фактам, но не могу поверить и в вашу историю.

– Прекрасно вас понимаю – сам бы не поверил. Объяснить ничего не могу, разве что сообщить ход ближайших событий.

– Ну, извольте, – скептически посмотрел адмирал на собеседника. – С датами, если возможно.

– Двенадцатого июля Австро-Венгрия направит Сербии унижительный ультиматум, сербы примут его за исключением одного незначительного пункта. Но этого окажется достаточно для того, чтобы пятнадцатого на улицах Белграда начали рваться австрийские снаряды.

– Смелый прогноз... Ну ладно, Александр Васильевич, возвращайтесь к своим обязанностям в моём штабе.

– Разрешите занять ещё немного вашего времени, Николай Оттович.

– Слушаю.

– Я не уверен... – Колчак слегка замялся.

– Говорите, говорите!

– Простите за, может быть, глупую фразу, но я не уверен, что меня «отпустили» навсегда...

– Здесь, – каперанг открыл портфель и достал бумаги, над которыми работал в Сестрорецке ежедневно, – кое-какие соображения и рекомендации по ведению грядущей войны. Ознакомьтесь, пожалуйста.

– Хорошо, оставьте, – кивнул адмирал. – Оставьте и ступайте к себе в каюту. Продолжим разговор завтра.

* * *

Всё покатило по наезженным ещё в прошлом (для Колчака) рельсам: наследник сербского престола Александр телеграфировал российскому императору, Николай заверил, что Россия не останется безучастной, но, тем не менее, после того как Белград отверг единственный, незначительный пункт о подчинении сербских судебных властей австрийским, венский посланник в Белграде потребовал паспорта и отбыл со всей своей миссией на родину. И пятнадцатого июля заговорили австрийские пушки...

Сербия, разумеется, не могла противостоять одиннадцати австро-венгерским корпусам, которые направились к её границам.

От Германии зависело остановить разгорающуюся войну или дать ей разгореться в МИРОВУЮ. Но Берлин вполне устраивал данный дебют, и выбор кайзером уже был сделан. Но в своих телеграммах глава Германской империи по-прежнему называл Николая братом, уверяя, что постарается сделать все возможное, чтобы утихомирить своего австрийского союзника. В то же самое время Большой генеральный штаб Германии требовал от австро-венгров всеобщей мобилизации против России.

А вот в России Главный штаб метался между решениями объявить частичную мобилизацию (против Австро-Венгрии) или полную (против Австро-Венгрии и Германии). Причём объявление частичной напрочь срывало полную.

Генерал Янушкевич, начальник Главного штаба, принёс на подпись императору два варианта: «частичная», «полная». Надежда на миролюбие Вильгельма была у русского царя настолько велика, что он подписал указ о мобилизации частичной. Но Германии необходим был предлог для объявления войны, каковым частичная мобилизация считаться не могла, ибо затрагивала только Австро-Венгрию. А последняя совсем не собиралась объявлять войну России. Тогда в Берлине был предпринят мастерский ход: семнадцатого июля экстренное издание официальной «Локаль Анцейгер» сообщило о мобилизации германской армии.

Русское посольство немедленно сообщило об этом в Петербург. Данное известие коренным образом меняло обстановку, и вечером того же дня последовал Высочайший указ о всеобщей мобилизации сухопутных и морских вооружённых сил. Германское правительство достигло своей цели: немедленно было дано опровержение по поводу мобилизации германских войск, телеграмма русского посла по поводу этого распоряжения была задержана, и в русской столице о нём своевременно не узнали – указ о всеобщей мобилизации был разослан по штабам округов.

На следующий день Германия потребовала от России отмены мобилизации в двадцатичетырёхчасовой срок, а сама уже действительно объявила мобилизацию у себя. В случае неприятия ультиматума угрожала войной.

Николай предложил Вильгельму передать конфликт на рассмотрение третейского суда в Гааге. Ответом было объявление Германией войны России.

Но мы сильно забежали вперёд, война ещё не объявлена...

Глава 6

Дан приказ ему на запад...

– Пожалуй, соглашусь с вами, Александр Васильевич, соглашусь... – Эссен, теперь уже всецело доверявший Колчаку, поскрёб пальцами лысину. – Знаете, а действительно, прогуляйтесь с англичанами на Средиземное море – вдруг действительно поймаете вместе с ними Сушона. Вестовой!

– Слушаю, ваше превосходительство! – немедленно нарисовался в салоне матрос.

– Прикажи передать на «Лайон», – адмирал склонился над столом и быстро начеркал: «Прошу, возможно скорее, принять меня по неотложному делу». – Держи!

– Есть, ваше превосходительство! – вытянулся по струнке вестовой. Цапнул бумагу, отдал честь, и только удаляющийся топот остался от него буквально через пару секунд.

А ещё через пять минут тот же матрос доложил: «Лайон» высылает катер.

– Вежливые у нас гости, – усмехнулся командующий Балтфлотом. – Ну что, идёмте, Александр Васильевич, – нас ожидают.

Командующий вместе со своим штаб-офицером спустился в английский катер, поприветствовал встречавшего лейтенанта и направился к ожидавшему их Битти.

Английские линейные крейсера просто завораживали своей красотой. Вернее, сочетанием красоты и мощи. Таких совершенных кораблей Россия не имела, и в обозримом будущем Андреевский флаг не будет поднят ни на чём подобном. Линейные крейсера типа «Измаил» обещали стать сильнейшими кораблями в мире, но в данной реальности им не суждено было родиться вообще... А теперь – посмотрим.

С борта «Лайона» спустили парадный трап, поднявшихся на борт Эссена и Колчака встретил лично Битти. Под звуки оркестра встретил, выказал уважение командующему Балтийским флотом.

– Рад приветствовать вас, господин адмирал, – лёгкий поклон в сторону Эссена, – и вас, господин капитан первого ранга, на борту своего флагмана. Как я понимаю, у вас имеется информация особой срочности, если вы решили посетить «Лайон».

– Вы не ошиблись, господин адмирал, – кивнул Эссен, – срочность особая.

– Тогда прошу ко мне в салон! – приглашающе протянул руку англичанин.

Выглядел Дэвид Битти ну натуральным англичанином – ни дать ни взять. Вот закажи скульптору слепить бюст английского аристократа – получится Битти. Как это описать конкретно? Никак. То есть максимально стандартно: крупный нос с некоторой горбинкой, скулы не выражены, губы тонкие, глаза обычные, причёска – чётко выраженный пробор вправо... Что ещё? Ну да: кончик носа «клювиком»...

– Прошу садиться, господа, – английский адмирал обозначил приглашающий жест, когда Эссен с Колчаком вошли в его салон. – Как я понимаю, это не просто визит вежливости, а вас привело ко мне на борт какое-то срочное дело?

– Разумеется, – кивнул Эссен, усаживаясь в кресло. – Мы не посмели бы вас беспокоить, да ещё в таком срочном порядке, если бы не получили информацию чрезвычайной важности.

– Весь к вашим услугам, – Битти тоже расположился за столом. – Слушаю вас!

– Если без предисловий – грядёт война. Она начнётся непременно, что бы там сейчас ни делали дипломаты...

– Простите, – нахмурился англичанин, – а откуда такая уверенность?

– От одного нашего агента, которому можно доверять всецело. Надеюсь, вы понимаете, что более подробной информации о нём я вам сообщить не имею возможности. К тому же и сам

её не знаю. Могу только дать слово, что все, что он сообщал нам до сих пор, подтверждалось грядущими событиями с абсолютной точностью.

Заставить командующего флотом произнести эту фразу стоило Колчаку немалых трудов, но, в конце концов, удалось: ведь если принять, что сам Александр Васильевич и является тем самым «агентом», то никакой лжи в словах Эссена не присутствовало.

– Хорошо, – Битти слегка задумался. – Я верю вашим словам. У вас ведь есть и некие более конкретные предложения?

– Конечно, иначе мы бы не посмели вас беспокоить.

Без единого слова английский адмирал обозначил на лице готовность воспринимать информацию.

– Австрия нападёт на Сербию, потом объявит войну России, Германия – России и Франции, потом вступит Великобритания...

– Простите! А почему? Я не вижу для этого юридических оснований.

– Разрешите, ваше превосходительство? – посмел встрять в беседу адмиралов Колчак.

– Конечно, Александр Васильевич.

– Так вот: немцы для обхода французских войск вторгнутся в Бельгию. А её нейтралитет гарантирован королём Эдуардом, не так ли?

– Позвольте! – вскочил Битти. – Это вам тоже сообщил ваш агент? Он знает планы ведения будущей войны в таких подробностях? И о последствиях каждого шага тоже? Позвольте мне усомниться, господа!

– Разумеется, – улыбнулся Эссен. – Мы и не просим безоглядно нам доверять. Наша просьба значительно более скромная: прошу сделать офицера моего штаба, капитана первого ранга Колчака представителем Российского Императорского флота на флоте его величества короля Эдуарда. Я понимаю, что даже моего ходатайства для этого недостаточно, но все юридические тонкости сам урегулирую с господином Морским министром и Главным морским штабом. Мне важно лично ваше принципиальное согласие.

– Моё согласие? – удивился англичанин. – Доставить в Лондон вашего офицера? Для этого достаточно вашей личной просьбы, господин адмирал. Или вы чего-то недоговариваете?

– Не «недоговариваю», господин адмирал, а просто не успел рассказать вам всё. С Германией и Австрией, возможно, будет справиться за год-другой, но немцы хотят втянуть в войну и Турцию, что резко осложняет ситуацию.

– Эти сведения тоже от вашего агента? Что-то слишком он информирован...

– Убедитесь позже. Так вот: для вовлечения турок в войну Германия отправит в Константинополь линейный крейсер «Гебен» под флагом адмирала Сушона и лёгкий «Бреслау». Если ваши средиземноморские эскадры перехватят немецкие корабли по пути к Дарданеллам, то, с большой степенью вероятности, Османская Империя останется нейтральной, не потребуется миллионов солдат наших стран на войну с нею, останутся открытыми проливы для взаимного снабжения... Ну разве необходимо объяснять вам, военному моряку, насколько важно то, чтобы такая серьёзная в военном и геополитическом аспекте страна не стала нашим дополнительным противником в грядущей войне?

– Согласен. Что ещё?

– Вот мы и планируем, что капитана первого ранга Колчака будет разумно направить на вашу средиземноморскую эскадру. Он поможет вашим линейным крейсерам перехватить «Гебена» по пути к Дарданеллам. И... Прошу меня извинить за то, что смею вмешиваться в дела Гранд Флита, но очень бы хотелось, чтобы командовал английской эскадрой в Средиземном море на тот момент смелый и решительный адмирал.

– На флоте его величества любой адмирал смел и решителен, – вскинулся Битти. Он и сам прекрасно осознавал, что это не так, но не иностранцу критиковать британских моряков.

– Ещё раз прошу прощения, – лучезарно улыбнулся Эссен возмущившемуся англичанину. – Если я перефразирую: «Наиболее смелый и решительный», – вас удовлетворит?

– Несомненно, – ответил улыбкой на улыбку британец. – Но я не понимаю, почему вы говорите это мне – я не назначаю командующих эскадрами.

– Конечно. Но ведь ваше слово тоже имеет кое-какой вес в Адмиралтействе. Это, во-первых, а во-вторых, ваша реакция тоже показательна. И будем надеяться, что ваш Первый лорд, господин Черчилль, так же воспримет предложение России как конструктивное и полезное для обеих наших стран.

– Согласен с вами. Сделаю что смогу. И с удовольствием предоставлю каюту на «Лайоне» капитану Колчаку, как только вопрос будет урегулирован между нашими адмиралтействами.

– Тогда позвольте поблагодарить вас за гостеприимство и откланяться – и у вас, и у нас ещё очень много дел, – поднялся с кресла Эссен.

– Не смею задерживать, – тоже встал английский адмирал и обменялся рукопожатиями со своими гостями. – Уверен, господин капитан первого ранга, что наша встреча не последняя, как только будут улажены все необходимые формальности, вы желанный гость на борту моего флагмана.

– Благодарю! – кивнул Колчак. – Очень надеюсь на скорую встречу.

* * *

И события понеслись со скоростью экспресса: визит к Морскому министру – всё благополучно, благо, что Григорович прекрасно помнил Колчака ещё по Порт-Артуру, да и как гидрографа и полярника тоже уважал, адмирал Русин, руководитель Морского генерального штаба, покочевряжился, правда, посомневался в необходимости столь срочной командировки, но тоже, в конце концов, дал добро. И полетели по телеграфным кабелям телеграммы из Петербурга в Лондон, из Адмиралтейства в Адмиралтейство. Туда и обратно полетели. Черчилль не возражал. Успели, короче. Вот чего Александр не успевал, так это попрощаться с семьёй – эскадра адмирала Битти уже готовилась выбирать якоря и следовать на родину. Письмо жене, прощальный банкет балтийцев и англичан... Поехали!

В Лондоне Колчака встретили очень любезно, и он тотчас был принят первым лордом. Черчиллю было всего сорок, он совсем не напоминал ту расплывшуюся тушу, которая знакома по военным фильмам большинству зрителей конца двадцатого – начала двадцать первого века: подтянут, атлетичен – настоящий ЛОРД.

– Весьма рад знакомству, господин Колчак, – британец первым протянул руку, едва только Александр зашёл в кабинет. – И приятно удивлён инициативой Российского флота по поводу обмена офицерами связи. Если вдруг всё-таки начнётся война, это будет весьма и весьма полезно.

– Благодарю за радушный приём, сэр, – пожал Колчак протянутую руку. – Как лично вас благодарю, так и вообще флот его величества – о пребывании на эскадре адмирала Битти у меня остались самые приятные впечатления.

– В телеграмме вашего министра говорилось, что главное вы сообщите на словах. Я весь внимание, – прервал Черчилль обмен любезностями.

– Именно так, – обозначил поклон Колчак. – У меня действительно имеется информация чрезвычайной важности, причём сообщить о её источнике я не имею возможности, ибо сам не знаю человека, который её сообщил...

– Я всё понял, капитан, – лорд потянулся к коробке с сигарами. – Давайте к делу. Можете курить.

– Благодарю вас, не курю. Скоро начнётся война...

– Вполне это допускаю, – перебил собеседника Черчилль, прикуривая. – И что? Армия и флот его величества вполне к ней готовы.

– Война может продлиться годы. То, что Германия и Австро-Венгрия выступят против России, Великобритании и Франции достаточно очевидно...

– Продолжайте, – в первый раз пыхнул дымом лорд.

– Важно максимально отсрочить, а может даже, и вообще не допустить вступление в эту войну Турции на стороне Центральных держав. Она будет колебаться первое время, но у кайзера есть план, как прекратить эти колебания: два немецких крейсера, линейный «Гебен» и лёгкий «Бреслау» следуют в Константинополь.

– Вы уверены, капитан? – снова прервал Колчака Первый лорд Адмиралтейства. – У нас тоже имеются некоторые сведения – адмирал Сушон идёт в Катаро. Усилить австрийский флот.

– У австрийцев достаточно своих кораблей, а вот в Чёрном море новейший линейный крейсер сможет кардинально изменить соотношение сил. И если допустить, что война всё-таки продлится несколько лет...

– Сколько? – аж привстал с кресла Черчилль. – Капитан, вы серьёзно?

– Совершенно. Рассчитывать нужно на худшее, – спокойно продолжил Колчак. – Так вот, если война продлится несколько лет, то очень принципиально, в чьих руках будут Босфор и Дарданеллы – в руках врага или нейтральной страны. Останутся турецкие солдаты в казармах или развернут свои штыки на Кавказе, в Месопотамии и на границах Румелии. Какую позицию займут Болгария, Греция и Румыния...

– Хорошо, – нетерпеливо прервал собеседника Первый лорд. – Допустим, что вы правы. Допустим! У вас есть конкретные предложения?

– Так точно! Прошу отправить меня на Средиземноморскую эскадру линейных крейсеров. И ещё: не смею вам советовать, но очень рекомендую назначить командовать ею максимально смелого, решительного и умного адмирала. Такого, который был бы способен в самые первые дни грядущей войны прославить Великобританию громкой победой.

– А знаете, капитан, вы мне определённо начинаете нравиться, – вдруг улыбнулся Черчилль. – Громкая победа – это хорошо. А то Хохзеефлотте, чувствую, в открытое море вытаскать будет весьма непросто. К тому же стоит ещё в самом дебюте проверить, чего стоят их корабли, а чего наши.

– Вы прекрасно поняли мою мысль, сэр, – ещё раз обозначил полупоклон Колчак, – просто я считал бестактным прямо высказываться в этом ключе...

– Оставьте! Знаете, а я, пожалуй, действительно откомандирую вас на Мальту. Вместе с новым командующим эскадрой линейных крейсеров. Которым станет мой секретарь, Хорас Худ.

Контр-адмирал Худ оказался весьма приятным в общении мужчиной. Совсем не чопорным, как многие из английских аристократов. С Колчаком они являлись практически ровесниками, оба были опытными моряками, а посему общий язык нашли достаточно быстро, тем более что Худ, узнав о цели своего назначения, воспринял его с большим воодушевлением.

Собственно, в Адмиралтействе Черчилль лишь представил офицеров друг другу, а более полное знакомство произошло уже на борту крейсера «Патфайндер», который Первый лорд не поскупился выделить из состава Гранд Флита для скорейшей доставки на Средиземное море нового командующего эскадрой.

Крейсерок был так себе – типа «скаут»: небольшой, скоростной, слабо вооружённый. Основные задачи: быть ближним разведчиком при эскадре, лидировать миноносцы при атаке противника, отбивать атаки вражеских миноносцев... Ну, или как в этот раз – служить посыльным судном для доставки людей или информации из пункта «А» в пункт «Б»...

Адмиральского салона на таком махоньком кораблике не предполагалось, поэтому Худ пригласил русского гостя для обсуждения дальнейших действий к себе в каюту.

– Наши силы на Мальте: линейные крейсера «Инфлексибл», «Индомитебл» и «Индефатигебл». Любой из них сравним по силе с «Гебеном»...

Колчак прекрасно знал о составе английской эскадры Средиземного моря, но зачем лишний раз конфузить собеседника? Тем более такого доброжелательного. Тем более утверждением, что НЕ СРАВНИМ. По весу бортового залпа – да, по скорости – тоже, а вот по защите... Только в Ютландском сражении англичане убедились, что их шикарные, мощнейшие, быстроходнейшие линейные крейсера взрываются и тонут от одного более-менее удачного попадания... А вот немецкие выдерживали и до двух-трёх десятков и не взрывались, лишь один был затоплен командой, получив повреждения, «несовместимые с жизнью». Может, даже лучше, если моряки гордого Альбиона убедятся в том, что не всё так хорошо с их хвалёными «кошками», заранее? И примут соответствующие меры...

Хорошо-то хорошо, но ведь самому придётся находиться на флагмане, а именно для него риск получить нокаутирующий снаряд максимален... А куда деваться? Практика показала, что при соответствующих попаданиях выживало по несколько матросов. Как правило, наблюдатели на мачтах.

– ...Эскадра крейсеров адмирала Трубриджа: «Дифенс», «Блэк Принс», «Дюк оф Эдинбург» и «Уорриор». Догнать «Гебена» они вряд ли способны, но заступить ему путь и связать боем до подхода главных сил – вполне могут.

В принципе, тут он прав. Двухсоттридцати-четырёх- и стодевяностомиллиметровые английские артсистемы, которые так любят англичане, действительно одни из самых лучших в мире для сравнимых калибров – утопить «Гебен», конечно, не смогут, но здорово изнахратить – запросто. Правда, почти наверняка, ценой потери одного из своих вымпелов. А то и двух – всё зависит от того, когда подспеют линейные крейсера...

– ...И четыре лёгких типа «таун», – продолжал новый командующий Средиземноморской эскадрой. – «Даблин», «Глостер», «Чатам» и «Уэймут». Любой из них сильнее, чем «Бреслау», но это не главное. Это наша разведка, эти ребята засекут Сушона, просигналят нам, и мы его перехватим... Даже неудобно как-то: заведомо превосходящими силами наваливаться на слабейшего.

– Вот это не должно вас беспокоить, сэр, – таки вставил слово Колчак. – В минувшей и столь неудачной для моей родины войне японцы никогда не стеснялись нападать эскадрой на одиночный корабль. На мой взгляд, наивысшая доблесть для военного – не погибнуть в бою против превосходящих сил противника, а сделать так, чтобы у тебя в данном месте и в данное время было максимальное превосходство в силах, уничтожить его и понести при этом минимальные потери. Но, конечно, если обстоятельства сложились против тебя, то погибнуть в бою. И даже тогда постараться нанести как можно больший ущерб неприятелю.

А дальше – хоть давься, но сказать надо, что хвалёные английские линейные крейсера лишь слегка «помазаны» бронёй, что не выдержат они обстрела немецким главным калибром на даже средних дистанциях, что необходимо, но поздно переделывать перегрузочные отделения для снарядов и зарядов под башнями, что... Да много ещё что «неладно в королевстве Датском». Не Датском, конечно, но вот как это сказать ИНОСТРАНЦУ?

– Господин адмирал, – Колчак вдохнул-выдохнул и начал. – Давайте будем максимально откровенными друг с другом.

– Я был недостаточно откровенным в нашей беседе? – округлил глаза Худ. – Или когда-нибудь ранее?

– Нет-нет, прошу меня простить, видимо, я недостаточно свободно изъясняюсь по-английски, – схитрил Колчак.

– Прекрасно изъясняетесь. Так вы о чём?

– Я о том, что и у вашего королевства, и у нашей империи имеются шпионы. Не будете отрицать?

– Это было бы глупо. К тому же, ведь именно исходя из информации, полученной от одного из них, вы и действуете. К чему вопрос?

– А к тому, что наши агенты имеются не только в Германии, но и на территории Великобритании, как, уверен, и ваши находятся в России. И ведь это нормально, правда?

– Я моряк, мне нет до этого дела, – посуровел англичанин.

– Я тоже моряк. Я тоже не имею к этому ни малейшего отношения. Я имею сведения, которые хотел бы до вас донести, которые ничего, кроме пользы, Гранд Флиту принести не могут.

– Слушаю! Выражайтесь яснее, сэр, – Худ если и не психовал, то весьма однозначно занервничал. – Понятно, что и у вас имеются наши агенты, и у нас ваши. К чему этот разговор?

– К тому, что, по нашим сведеньям, значительная часть английских снарядов снаряжена просто чёрным порохом. Я понимаю, что уже поздно что-нибудь исправлять, просто очень хочу рекомендовать вам не использовать эти снаряды в качестве основных боеприпасов, когда мы столкнёмся с «Гебеном». Только для первых залпов, в качестве пристрелочных...

– Вот как? – неожиданно усмехнулся англичанин. – Можете выразить неудовольствие тем своим агентам, которые поставляют такую информацию.

– То есть?

– Пока все бронебойные снаряды на наших линейных крейсерах в Средиземном море снаряжены именно чёрным порохом. Лиддитные только фугасные. Не прикажете же атаковать броненосный корабль ими?

– Нет, конечно, – слегка оторопел Колчак. – Действительно, наша разведка в данном случае оказалась не на высоте...

– Увы, случается. Главное, чтобы информация о маршруте «Гебена» была верной.

– Вот на этот счёт можете не сомневаться. Точного маршрута, как понимаете, быть не может, но его генеральная задача и узловые пункты мне известны.

– Очень на это надеюсь. А старый добрый чёрный порох не так уж плох, к тому же значительно более безопасен при хранении – сами ведь знаете, сколько кораблей потеряли от взрывов боезапаса японцы из-за своей мощной, но весьма капризной шимозы.

«Ну да, – напряг память Колчак: «Микаса», «Мацусима»... – Ещё кто-то? Да и у вас, ребята, кстати, в «грядущую войну» взорвутся «Натал» и «Вэнгард». И это только из того, что навскидку вспомнилось. Вряд ли это были (будут) диверсии – скорее, всё тот же дурацкий лиддит...

Здесь стоит сделать «авторское отступление»: основой лиддита у англичан, мелинита у французов и русских, шимозы у японцев, пертита у итальянцев (ну и так далее...) являлся тринитрофенол, он же пикриновая кислота. Само по себе вещество стойкое, его даже в качестве красителя использовали. Да, при детонации разлагается очень «весело», но так для этого хотя бы микровзрывчик в основной массе нужен... А вот соли пикриновой кислоты, пикраты, вещества до невозможности капризные – чихнёшь в соседней комнате, и они тут же «возмутятся». Взрывообразно. Кислоты же реагируют с металлами, образуя как раз соли. А железо – металл. То самое железо, из которого сделан корпус снаряда... Нет, конечно, производители покрывали полости масляной краской, упаковывали собственно взрывчатку в шелковые мешочки, но при производстве сотен тысяч единиц боеприпасов где-то как-то да случится брачок. И при транспортировке, хранении что-нибудь произойдёт. Отслоится чешуйка красочного покрытия, разойдётся чуточку шовчик на мешочке... И доберутся друг до друга два вещества, и вступят в реакцию... Медленно, пикрата железа получится очень немного, а много и не нужно – это не взрывчатка – это детонатор. И всё – зачастую просто шевельни такой снаряд – ВСЁ! Рванёт весь погреб боезапаса, ну и боевой корабль уже «не жилец». А волны «шевелят» даже на якорной стоянке...

Поэтому-то и старались снаряжать лиддитом-мелинитом и прочим упомянутым снарядами именно в военное время, чтобы «сделал – выстрелил», чтобы не хранить долго. Вообще странно: даже достаточно отсталая в плане своей техники Россия давно уже снаряжала снаряды

весьма мощным и вполне надёжным при хранении тротилом, а вот передовая почти во всём Великобритании до этого не додумалась...

– Придётся с вами согласиться, сэр, – вернулся мыслями к основной теме беседы Александр. – Воевать нужно тем, что имеется под рукой, если приходится воевать. В конце концов, у нас серьёзное преимущество в вымпелах. И не только в них.

– Именно, – кивнул Худ. – Так вы уже можете более конкретно посвятить меня в материалы, которые получены от вашего агента касаясь пути следования отряда Сушона? Про «узловые пункты» хотя бы.

– Более того – про планы немецкого адмирала: он прекрасно знает, что его «чудовища» будут до жути бояться французы, которые вот-вот начнут перевозку своих колониальных войск из Алжира на материк. И наши союзники попытаются затребовать ваши эскадры для прикрытия данных перевозок.

– И что? Вполне законная просьба, – удивился адмирал.

– Вполне законная, – согласился Колчак. – Была бы. У них у самих пятнадцать броненосцев. И дредноутов парочка имеется. Причём каждый из шести «дантонов» не уступает по мощности огня «Гебену», остальные чуть слабее, но именно «чуть». Повторяю: французы сами в состоянии обеспечить свои воинские перевозки и защитить их. Не следует отвлекать подчинённые вам силы на запад от Мальты.

– Предположим, что я согласился с вами. Дальше!

– Сейчас «немец» в Поле чистит дно и ремонтирует механизмы, так?

– Так. Тут данные наших разведок совпадают.

– Потом он отправится бункероваться в Мессину, но итальянцы не дадут ему угля, придётся принимать его с немецкого же парохода. Так?

– Если это так, то передайте мои комплименты вашему агенту – у меня таких сведений нет. А почему итальянцы не дадут угля?

– Не знаю. Я ведь, как и вы, только моряк, передаю сведения, которыми меня снабдили, не более. В общем, ловить его надо по пути из Адриатики в Дарданеллы.

– Для этого нужно знать, когда Сушон соизволит выйти, ну и маршрут следования...

– Маршрут будет, почти уверен, прямым как стрела. До самого мыса Матапан. А сроки выхода... У вас разве нет агентуры в Мессине?

– Есть, вероятно, – ухмыльнулся адмирал. – Но подробнее я об этом узнаю на Мальте. Да и вообще – война ведь ещё не объявлена...

То, что война объявлена, узнали на бункеровке в Гибралтаре. То есть об объявлении войны Германией России, а по прибытии на Мальту пришло известие и об открытии военных действий между Германией и Великобританией.

Понеслось!

Глава 7

Первый блин. Не комом

То есть, конечно, не встали экипажи по боевому расписанию и не замерли в таком положении. На мальтийских футбольных полях порта Ла Валетты по-прежнему пинали ногами мячи команды крейсеров. Чуть дальше, на поле для гольфа, размахивали клюшками офицеры, продолжался «внутриэскадренный чемпионат» по боксу. Англичане придумали самый лучший способ отвлекать личный состав от «тягостей и лишений» службы, и от её нудности – спорт. Причём именно СПОРТ – в кают-компаниях была запрещена игра в карты как проводящая на азарт. А вот всё остальное – запросто. Колчаку довелось даже понаблюдать поединков в стиле кендо: два довольно-таки пожилых офицера, капитаны первого ранга, надели японские доспехи и принялись мутузить друг друга бамбуковыми «мечами», причём на полном серьёзе.

К тому же хозяевами англичане оказались более чем радушными – Колчаку предоставили соседние с адмиралом апартаменты на «Инфлексибле», апартаменты более роскошные, чем были у Эссена на «Рюрике». Впрочем, когда Колчак обошёл и командные помещения, он убедился, что и английские матросы живут на своём корабле значительно более комфортно, чем их русские коллеги.

Причём офицерские помещения, вопреки многовековой традиции практически всех флотов, на английских линейных крейсерах располагались в носовой части корабля, а матросы жили в корме. По всей вероятности, это было сделано для того, чтобы командование кораблём как можно быстрее заняло свои боевые посты в случае тревоги.

И эта самая «тревога» не заставила себя долго ждать: судя по всему, Худ получил информацию, что «Гебен» готовится поднять якоря. Сначала в море ушла эскадра Трубриджа, потом к Мессинскому проливу проследовали «Глостер», «Даблин» и «Чатам». Экипажи линейных крейсеров стопроцентно вернулись на борт, и главные ударные силы Британии на Средиземном море находились в часовой готовности к выходу. Выходу на бой.

Первым прислал телеграмму об обнаружении противника Говард Келли, командир «Глостера»: «Наблюдаю дымы двух больших кораблей курсом на ост...» Далее координаты.

Из труб линейных крейсеров густо повалил дым, и эскадра Худа срочно покинула рейд Да Валетты.

* * *

- Адмирал Трубридж передаёт... – подскочил к Худу офицер связи.
- Благодарю, – кивнул молоденькому лейтенанту командующий Средиземноморской эскадрой. – Если будут ещё сообщения – немедленно сюда...
- Есть, сэр! – откозырял юноша и поскакал вниз по трапу.
- А вы оказались правы, сэр, – повернулся к Колчаку Худ. – Русские агенты не ошиблись – «Гебен» идёт строго на восток. И явно не в Каир.
- Возвращаю комплимент, – Колчак с трудом удержался от добавить шекспировское «друг Горацио». – Снимаю фуражку перед вашими агентами в Пола.
- Не понял, – нахмурился Худ.
- Извините – выразился по-русски. Выражаю своё уважение английским агентам в Поле. Так что передаёт адмирал Трубридж? Если не секрет, конечно.
- Не секрет. Обнаружил противника, готовится к вступлению в бой.
- Небезопасно.

– Война вообще предприятие, связанное с риском, – слегка удивлённо глянул на собеседника адмирал. – А по весу бортового залпа наши четыре броненосных крейсера не уступают «Гебену». А там и мы подойдём. Сушону уже не уйти.

– Не сомневаюсь, сэр, – поспешил согласиться Александр. – Но защищены корабли Трубриджа недостаточно надёжно против такого противника, немец может повыбивать их по очереди, и ваша победа окажется пирровой. Зачем Британии терять сотни жизней своих моряков, если можно обойтись без этого? Мы, как я понимаю, перехватим «Гебена» часа через два-три?

– Где-то так, – мрачно буркнул Худ.

– Так будет вполне достаточно времени, чтобы разделаться с ним. И тут помощь броненосных крейсеров будет очень и очень кстати...

– Сэр! – прервал беседу всё тот же молодой лейтенантик – От адмирала Трубриджа...

– Давайте!

Англичанин читал молча, но по лицу его читалось откровенное недовольство только что полученными новостями. Колчак не рискнул лишний раз продемонстрировать своё любопытство, хоть таковое являлось отнюдь не праздным, но сэр Хорас не стал интриговать:

– Не могут угнаться. «Гебен» даёт не меньше двадцати двух узлов. Простите, я должен поговорить со своим штурманом.

– Ваши извинения совершенно излишни, сэр.

Когда Худ удалился по своим адмиральским делам, оставалось только разглядывать окружающее пространство, которое не радовало разнообразием. «Инфлексибл» продолжал двадцатиузловое пожирать пространство, ведя за собой систершипов: «Индомитебл» и «Индефатигебл», на траверзе флагмана держался «Уэймут», которого командующий Средиземноморской эскадрой прихватил с собой в качестве разведчика. И не зря прихватил – минут через десять после ухода адмирала с мостика Колчак увидел, что из труб лёгкого крейсера дым повалил поинтенсивнее, и тот, слегка склонившись к норду, стал удаляться от своих линейных собратьев. Ну да – оперативная разведка, она же ближняя разведка, тоже штука немаловажная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.